

Д. 5
Г 82 В

В. Грибовскій.

ИМПЕРАТОРСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ЧТО ТАКОЕ
„ЗУБОЯЖА“,
КАКЪ ПРЕСТУПЛЕНІЕ?

(Актовая рѣчь, читанная въ Императорскомъ Археологическомъ Институтѣ
8-го мая 1905 г.).

БИБЛИОТЕКА
М. А.
ДЬЯКОНОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.
1905.

БИБЛИОТЕКА
1-ый Ленинградский
Юридический институт

Напечатано по распоряженію Императорскаго С.-Петербургскаго Археологическаго Института.

Директоръ *Н. Покровскій.*

Что такое „зубояжа“, какъ преступленіе?

(Актовая рѣчь, читанная въ Императорскомъ Археологическомъ Институтѣ 8-го мая 1905 г.).

Уставъ великаго князя Владиміра о церковныхъ судахъ представляетъ собою одинъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ древняго русскаго права. Имъ впервые вводится въ наше правосознаніе взглядъ на преступленіе не только какъ на матеріальный вредъ, но какъ на нарушеніе запрета. Имъ устанавливается церковная юрисдикція, предусматривается цѣлый рядъ правонарушеній, не извѣстныхъ языческой древности, создается понятіе не только предметной, но и личной подсудности и т. д.

Въ указанномъ отношеніи Церковный Уставъ Св. Владиміра заслуживаетъ глубокаго вниманія, которое ему и удѣляли почти всѣ изслѣдователи русскихъ юридическихъ древностей. Правда, нѣкоторые историки на основаніи нѣкоторыхъ соображеній выражаютъ сомнѣніе въ подлинности названнаго памятника, но зато другіе, не менѣе компетентные, отстаиваютъ его древность. Къ числу первыхъ, между прочимъ, принадлежитъ Карамзинъ, который, основываясь на данныхъ отдѣльныхъ редакцій, полагалъ, что Уставъ не могъ быть изданъ Владиміромъ; къ этому мнѣнію примыкаютъ Рейцъ, а въ новѣйшее время извѣстный Голубинскій. Карамзинъ въ своихъ разсужденіяхъ главнымъ образомъ опирается на то мѣсто пространной редакціи Устава, гдѣ говорится, что Владиміръ принялъ крещеніе у митрополита Леона отъ патріарха Фотія, умершаго за 90 лѣтъ до Владиміра. Но какъ указываетъ митрополитъ Евгеній въ своемъ описаніи Кіево-Софійскаго собора (Прил., стр. 7) эта несообразность была замѣчена

еще Захаріемъ Копыстенскимъ и имъ же объяснена въ томъ смыслѣ, что имя Леонтія попало въ Уставъ по ошибкѣ, а патріархъ Фотій упомянутъ, какъ утвердитель восточнаго православія, принятаго и Владиміромъ. Митрополитъ Евгеній оспариваетъ и другія соображенія Карамзина. Вслѣдъ за нимъ Уставъ горячо защищали Погодинъ и Неволинъ. Мы со своей стороны не будемъ вдаваться въ разсмотрѣніе этого вопроса по существу. Былъ ли Уставъ написанъ Владиміромъ Святымъ въ его эпоху, или названный памятникъ возникъ нѣсколько позднѣе и только приписанъ Владиміру, для нашей задачи безразлично. Намъ важно только то обстоятельство, что древность Устава во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію. Самъ Карамзинъ отмѣчаетъ древность слога Устава и находитъ, что написанъ онъ не позже XIII вѣка (Исторія Государства Россійскаго, т. I, стр. 482, перв. изд.), значить самъ историографъ допускаетъ, что памятникъ могъ быть составленъ и ранѣе. Дѣйствительно, съ половины XIII в. начинается непрерывный рядъ списковъ разсматриваемаго Устава, но такое распространеніе въ указанномъ столѣтіи предполагаетъ болѣе раннее составленіе и существованіе памятника; такое предположеніе подтверждается и содержаніемъ Устава, согласнымъ съ приписываемыми ему условіями происхожденія въ концѣ X вѣка или началѣ XI вѣка (Неволинъ. Полное собр. соч., т. VI, стр. 292). Наконецъ, даже такой ярый отрицатель подлинности Устава, какъ Голубинскій, въ итогѣ все-таки признаетъ наличность научной защиты его достовѣрности, не допуская таковой въ отношеніи подобнаго же церковнаго Устава князя Ярослава. (Голубинскій. Исторія русской церкви, т. I, стр. 346, изд. 1880 г.).

Церковный Уставъ, приписываемый Владиміру, дошелъ до насъ во множествѣ списковъ, которые всѣ могутъ быть сведены къ двумъ разрядамъ: краткому и пространному. Неволинъ, послѣ митрополита Евгенія, признаетъ краткую редакцію болѣе близкой къ подлиннику и потому древнѣйшей. Въ этой редакціи, кстати сказать, нѣтъ и особенно ихъ криминирующаго упоминанія о митрополитѣ Леонѣ и патріархѣ Фотіи. Въ своихъ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ мы по этому поводу и будемъ имѣть въ виду только краткую редакцію, между прочимъ напечатанную въ „Описаніи Кіевософійскаго Собора“, въ приложеніи на стр. 9.

Какъ было указано выше, Уставъ Владиміра, являясь памятникомъ законодательства новой христіанской эпохи и создавая особое понятіе святительскаго суда, на преступленіе смотрѣлъ съ

точки зрѣнія грѣха и въ гражданскія правоположенія вносили церковныя основы. По самому существу предмета, по условіямъ возникновенія святительскаго суда въ Россіи, содержаніе Устава должно было пріобрѣсти церковный, исповѣдный характеръ. Подобную окраску статей разсматриваемаго памятника мы можемъ прослѣдить въ Уставѣ какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ статьи, касающіяся уголовного права; „смильное заставаніе“—прелюбодѣяніе, „вѣдство“—колдовство, „зелійничество“—одинъ изъ видовъ колдовства, приготовленіе приворотныхъ и иныхъ снадобій, „уреканія бляднею, зеліи и еретичествомъ“—оскорбленіе посредствомъ обвиненія въ любодѣяніи, волшебствѣ и неправовѣрїи, „церковная татба“—святотатство, „мертвецы волочатъ“—ограбленіе могилъ, „крестъ посякутъ или на стѣнахъ рѣжутъ“—оскорбленіе святыни, „скоты или псы или потькы безъ великой нужды введеть въ храмъ“—введеніе вообще животныхъ, собакъ или птицъ въ церковь. Церковный характеръ приведенныхъ запрещеній очевиденъ. Такое же церковное значеніе имѣютъ упоминаемыя въ Уставѣ дѣла брачныя: разводъ—„роспустъ“, „въ племени или сватовствѣ поимутся“—вступленіе въ бракъ въ недозволенныхъ степеняхъ свойства или родства; по аналогіи русскій святительскій судъ, разсматривая бракъ какъ таинство, въ извѣстной степени подчиняетъ себѣ вытекающія изъ брака гражданскоправовыя послѣдствія, какъ-то: „пошибаніе между мужемъ и женой о животѣ“—споръ супруговъ объ имуществѣ, „братни ли дѣти тяжутся о задницы“—споръ двоюродныхъ братьевъ о наслѣдствѣ, „отца или матеръ бьеть сынъ или дчи“. Наконецъ, полное подчиненіе святительскому суду такихъ людей, какъ: игумень, попь, діаконъ и кто въ клиросѣ, чернецъ, черница, попадія, проскурница, поповичъ, лѣчець, прощенникъ (получившій исцѣленіе), задушный человѣкъ (рабъ, отпущенный на поминъ души) и др., явствуетъ изъ того, что все они, по словамъ самого Устава, „люди церковные, богадѣльные“.

Лишь одно слово, одно понятіе, одно преступленіе нарушаетъ церковный тонъ содержанія Владимірова Устава. Это слово „зубояжа“. „Зубояжа“ запрещается наравнѣ съ волшебствомъ, святотатствомъ, ограбленіемъ могилъ и прочимъ. Что же такое „зубояжа“? Господствующее толкованіе, что это драка съ употребленіемъ, въ качествѣ средства обороны и нападенія, укушенія. Такъ объясняетъ это загадочное слово В. И. Сергѣевичъ; также понимаетъ его М. Ф. Владимірскій-Будановъ; въ томъ же смыслѣ

толкуеть „зубояжу“ Карамзинъ и др. Только Неволинъ осторожно замѣчаетъ: „Подъ именемъ зубоѣжи нѣкоторые изслѣдователи отечественныхъ древностей хотѣли разумѣть вампира, мертвеца, который, по суевѣрному представленію, высасываетъ кровь у людей. Есть въ простомъ народѣ повѣрье, что умершій колдунъ грызеть и себя и живыхъ людей. Не на это ли повѣрье указываетъ словомъ „зубоѣжа“? Въ такомъ случаѣ оно было бы только поясненіемъ слова: „еретичество“, принимая это послѣднее въ смыслѣ колдовства“. „Но можетъ быть, добавляетъ затѣмъ Неволинъ, зубоѣжа должно объяснить изъ слѣдующихъ словъ Устава Ярослава о церковныхъ судахъ: „аже мужа два бьется, одинъ другого укусить или одереть“. (Полное собраніе сочиненій, т. VI, стр. 279).

Въ приведенныхъ словахъ Неволинъ, такимъ образомъ, только ставитъ вопросъ, но не рѣшаетъ его. Несомнѣнно, что, при пониманіи „зубоѣжи“ или „зубояжи“ въ смыслѣ запрещенія быть вампиромъ, церковный характеръ запрещенія былъ бы понятенъ, но такое объясненіе слишкомъ натянуто, для того чтобы его принять. Дѣйствительно, чтобы подобное толкованіе изъ простой догадки перешло въ область научныхъ предположеній, необходимо доказать, что вѣра въ вампировъ была распространена какъ въ Византіи, откуда пришло наше первое духовенство, такъ и въ Россіи, гдѣ ему пришлось бороться съ господствующимъ воззрѣніемъ на вещи. Ничего подобнаго Неволинъ не дѣлаетъ; онъ говоритъ о вампирѣ вскользь и также оставляетъ открытымъ вопросъ о „зубояжѣ“, какъ дракѣ зубами.

Но если примкнуть къ послѣднему пониманію, то какъ уяснить церковный исповѣдный характеръ зубоѣжи, характеръ, которымъ, какъ было указано, проникнуть весь разсматриваемый памятникъ отъ начала до конца? Наглядно исповѣднаго значенія „зубояжа“ не имѣетъ. Она не находится ни въ какомъ отношеніи ни къ таинствамъ, ни къ догматамъ, ни къ храму или его предметамъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ драка зубами можетъ особо отъ всякой другой драки затронуть или нарушить интересы церкви, какъ таковой? Повидимому, ничѣмъ.

Но если нѣтъ прямой наглядной связи между церковными интересами и „зубояжей“, то можетъ имѣться косвенная или даже случайная. Можетъ быть составитель Устава, беря за образецъ византійское законодательство, церковные каноны или библейскія правила, перенесъ въ русское право особое законоположеніе

по редакторской неопытности или создалъ это преступленіе, по аналогіи съ подходящимъ правиломъ въ вышеуказанныхъ источникахъ? Къ сожалѣнію, и того нѣтъ.

Въ Уставѣ между прочимъ указаны тѣ источники, откуда составитель памятника черпалъ матерьялы для своего законодательства. Въ уставѣ говорится: „То все далъ есмь по Первыхъ Царевъ уряженію и по Вселенскихъ Святыхъ Отець семи Соборовъ великихъ Святитель“. Неволинъ разъясняетъ, что такую ссылку не нужно понимать буквально въ смыслъ точнаго дословнаго заимствованія (т. VI, 277). Ссылка эта имѣетъ общій характеръ.

Греко-римскіе законы, напимѣрь, самостоятельности церковнаго суда отводили гораздо болѣе узкія рамки, нежели тѣ, которыя мы встрѣчаемъ во Владиміровомъ Уставѣ. Но святительскій судъ и по канонамъ и по византійскому праву существовалъ, и греческое духовенство только расширило кругъ его примѣненія въ новомъ краю, гдѣ ему пришлось играть столь выдающуюся и самостоятельную роль. Въ Уставѣ Владиміра авторъ проявилъ личное творчество, основанное на общемъ духѣ и на отдѣльныхъ правилахъ, какъ каноновъ, такъ и библейскаго права вмѣстѣ съ византійскимъ, но онъ не новаторствовалъ, отрываясь отъ этой почвы, и въ своемъ творчествѣ отражалъ или продолжалъ господствовавшіе на Востокѣ образцы.

Поэтому, помимо общаго исповѣднаго духа Устава, во всѣхъ его постановленіяхъ, кромѣ зубояжи, въ большей или меньшей мѣрѣ мы можемъ различить библейскій, византійскій, или каноническій прообразъ. Но зубояжа продолжаетъ стоять совершенно особнякомъ. Въ самомъ дѣлѣ, прелюбодѣяніе, волшебство, еретичество, зелейничество, святотатство, ограбленіе мертвыхъ строго каралось по византійскимъ законамъ (см. 'Ο πρόχειρος νόμος, De roenis, стр. 20, 21, 26, 34, 42, 57, 58 ¹⁾). Византійскіе законы устанавливали также особья формальныя условія заключенія брака и его расторженія, причѣмъ духовенство въ дѣлахъ подобнаго рода какъ касающихся таинства, принимало въ Византіи большое участіе (см., напр., новеллу Алексѣя Комнина Περί τοῦ κληρικῶν... καὶ ἐκρολογίας γάμου).

Вслѣдъ за разрѣшеніемъ вопросовъ чистобрачнаго права грекоримское законодательство допускало участіе духовенства и

¹⁾ Законами Аркадія, Гонорія и Θεодосія духовенству дано было право участія въ дѣлахъ подобнаго рода. Неволинъ, VI, 265.

въ сопряженныхъ съ бракомъ вопросахъ имущественныхъ; по крайней мѣрѣ судъ церковный по дѣламъ о незаконныхъ бракахъ рѣшалъ вопросъ не только о законности брачнаго договора, но и соединенныхъ съ нимъ гражданскихъ послѣдствійхъ (см., напр., *Sententiae synhodaes Ἰωάννου τοῦ Εὐφιλίνου περὶ κηχολομένων γάμων*). Византійское законодательство признавало принципъ святительскаго суда въ отношеніи всего круга лицъ, входившихъ въ число клириковъ. (*Τὰ Βασιλικά Βιβλίονα Περὶ ἐπισκόπων καὶ κληρικῶν καὶ χειροτονίας καὶ προνομίων αὐτῶν*. XIV, XXXVII.

Тѣ статьи Владимірова устава, прообразъ которыхъ труднѣе указать въ византійскихъ законахъ, легко можно сопоставить съ аналогичными правилами, находящимися въ каноническихъ или библейскихъ постановленіяхъ. Такъ, введеніе животныхъ и птицъ во храмъ безъ нужды положительно запрещено 88 правиломъ шестого вселенскаго собора; участіе лицъ духовныхъ въ дѣлахъ наследственнаго права предусматривается 27 главой книги числъ; оскорбленіе дѣйствиюмъ родителей со стороны дѣтей предусмотрено книгой Исхода въ главѣ 21; даже устанавливаемая Уставомъ десятина и наблюденіе епископовъ за мѣрами и вѣсами имѣютъ своихъ родоначальниковъ въ книгахъ Бытія, XIV, Левить XXVII; Паралипоменонъ XXIII, XIX; Второзаконіе XVI, XVII и XVIII.

Только для рѣзанія креста на стѣнахъ и зубояжи нѣтъ прямого прообраза въ вышеприведенныхъ источникахъ. Но какъ было указано выше, исповѣдный характеръ оскорбленія святыни ясенъ; если же предположить, что отъ креста отрѣзали кусочки съ цѣлью суевѣрно пользоваться ими, какъ предохранителями отъ зла—амулетами, то эту статью можно поставить въ одинъ рядъ съ другими запрещаемыми суевѣрїями и 78 ст. Прохирона: „οἱ τὰ λεγόμενα φυλακτὰ ἐπὶ φίλια τὸ δοχεῖν ἀνθρώπων, δημεύμενοι ἐξορίζεσθωσαν“. Только одна „зубояжа“ въ господствующемъ толкованіи стоитъ совершенно одиноко, не имѣя ни исповѣдной окраски, ни какого бы то ни было прообраза въ источникахъ Устава.

Какая же непостижимая загадка кроется во внесеніи „зубояжи“ въ памятникъ церковнаго законодательства, заимствовавшій и развивавшій библейско-каноническія и византійскія начала? Если ни библія, ни каноны, ни Эклога съ Прохирономъ, Василиками и Новелтами не квалифицируетъ, не обособляетъ драки зубами отъ другихъ видовъ дракъ и тѣлесныхъ поврежденій, то должны ли мы совершенно отказаться отъ попытокъ иного истол-

кованія таинственнаго понятія. Думается, что нѣтъ. Попробуемъ разобрать корнесловіе „зубояжи“ и при помощи его поискать въ источникахъ Устава слово, сходное съ „зубояжей“ въ филологическомъ смыслѣ въ составъ „зубояжи“ входятъ два корня: „зуб“ и „яд“—яденіе, яжа. въ 63 правилѣ Св. Апостоловъ имѣется понятіе „звѣроядины“. Двѣ послѣднія части обоихъ словъ „зубояжи“ и „звѣроядины“ совпадаютъ; но и первыя по смыслу своему могутъ быть сходны. Въ самомъ дѣлѣ „звѣроядина“—*θηρίωντον* означала мясо животныхъ, загрызенныхъ дикими звѣрями или собаками. Значить, если у обоихъ словъ тождественны вторыя части, то есть извѣстное соотвѣтствіе и въ первыхъ. Въ господствующемъ толкованіи рѣчь идетъ о зубахъ человѣческихъ, но если ихъ замѣнить зубами дикихъ звѣрей, то совпаденіе обоихъ словъ будетъ полное. „Звѣроядина“ предполагала запрещеніе употребленія въ пищу нечистаго мяса отъ зубовъ четвероногихъ хищниковъ и псовъ: „зубояжа“ могла предполагать подобное же. Если мы допустимъ подобную гипотезу, мы поймемъ логическій ходъ мысли составителя Владимірова Устава, признавшаго необходимымъ внести „зубояжу“ въ число важныхъ церковныхъ преступленій наряду съ ограбленіемъ могилъ, волшебствомъ и святотатствомъ.

Именно, въ то время, какъ драка съ укушеніемъ рѣшительно не предусматривается ни прямо, ни косвенно, источниками Устава, употребленіе въ пищу „звѣроядины“ представлялось съ церковной точки зрѣнія серьезнымъ преступленіемъ. Вальсамонъ въ толкованіи на упомянутое правило Св. Апостоловъ говоритъ: „не позволительно ѣсть звѣроядину. . На какомъ основаніи нѣкоторыя ѣдятъ уловленное хищными птицами или собаками или тиграми, я не знаю.“ (Правила Св. Апостоль и Вселенскихъ Соборовъ съ толкованіями. Изданіе Московскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія, вып. I, стр. 129). Самое же правило въ славянскомъ переводѣ гласитъ: „Аще кто, епископъ или пресвитеръ, или діакопъ, или вообще изъ священнаго чина, будетъ ѣсть мясо въ крови души его или *звѣроядину* или мертвечину: *да будетъ изверженъ*. Ибо сіе законъ запретилъ. Аще же сіе содѣлаетъ мірянинъ: *да будетъ отлученъ*“. Изверженіе изъ сана или отлученіе, смотря по званію виновнаго, было наказаніемъ ему за пользованіе звѣроядиной.

Въ своемъ строгомъ запретѣ правило Св. Апостоловъ исходило изъ постановленій и понятій еще болѣе древнихъ. Уже

въ „Исходѣ“ сказано: „и мяса звѣроядиннаго да не снѣсте“... (Глава XXII). Въ книгахъ Бытія и Левитъ находимъ объясненіе такого запрета: изъ тѣла животнаго, загрызеннаго звѣремъ, не вышла кровь, а въ крови живаго существа, по библейскому воззрѣнію, его душа. „Душа во всякія плоти кровь его есть“ (Левитъ, XVII). „Точію мяса и крови души не снѣстѣ“, говоритъ книга Бытія (IX). Это воззрѣніе перешло въ христіанскій міръ. Въ 15-ой главѣ Дѣяній Апостольскихъ упоминается запрещеніе употребленія въ пищу крови; это запрещеніе повторено упомянутымъ 63 правиломъ Св. Апостоль, затѣмъ воспроизведено 67 правиломъ шестого вселенскаго собора: „Божественное писаніе заповѣдало намъ воздержаться отъ крове и удавленины“. Наказаніе—отлученіе или лишеніе сана. Это преступленіе предусматриваетъ Фотіевъ Номоканонъ: *Περὶ ἐπισκόπων ἢ κληρικών ἐσθίωντος κρέα ἐν αἵματι ἢ θηρίων τῶν.* (изданіе Ралли и Потли, стр. 187). Левъ Философъ новеллой 58 запретилъ употребленіе кровяной пищи и такимъ образомъ церковное преступленіе сдѣлалось вмѣстѣ съ тѣмъ и свѣтскимъ. За нарушеніе новеллы Левъ назначилъ виновному лишеніе имущества, тѣлесное наказаніе въ видѣ обрیتія и вѣчное изгнаніе. Запрещеніе звѣроядины имѣется въ позднѣйшемъ Номоканонѣ Иоанна Постыника: „Иже ясть мертвечину или *звѣрохищное*, сирѣчь волкомъ снѣдаемое“. (Павловъ, Номоканонъ при большемъ требнѣ, стр. 128). Можно было бы привести еще цѣлый рядъ свѣдѣтельствъ въ пользу запрещенія звѣроядины, но мы ограничимся цитированными.

Изъ этихъ запрещеній явствуется, какъ строго относилась восточная церковь къ преступленію звѣроядины наряду съ полнѣйшимъ незнакомствомъ съ зубоояжей, какъ дракой зубами. Эта строгость отразилась и въ церкви русской. О поганой пищѣ упоминаетъ Церковный Уставъ Ярослава: „Аще кто поганое ѣсть у своей воли“; въ поученіи архіепископа Луки отъ 1036 г. запрещается ѣсть „скверна“. (Русск. Дост. I, 1—16). Въ посланіи къ иноку Черноризцу митрополитъ Іоаннъ пишетъ: „А еже емлемыя животны отъ пса ли, отъ звѣря ли. умираеть, аще не зарѣзано будетъ человѣкомъ, яко божественные отцы повелѣша, не подобаетъ ясти“ (Русск. Дост. I, 88—103). 63 Правило Св. Апостоль повторено славянской Кормчей: „Аще который епископъ или презвитерь или діакопъ и всякъ священническаго чина снѣсть мясо въ крови сущи души его, еже есть давленина. Всякаго бо животна въ души мѣсто кровь внемъ есть. Да аще кто ясть удавленину или

звѣроядину или мертвечину, да изверженъ будетъ отъ сана; се бо и Моисеевъ законъ отречься есть. Аще же есть мирскій чловѣкъ, да отлучится“. Кровояденію посвящена 91 глава Стоглава. Въ главѣ 15-ой Степенной книги говорится: „По истинѣ рещи иже таковыми ловитвами утѣшающися... не токмо руки своя оскверняютъ песьими зубы умерщвляюще животныя, но и душа своя наипаче оскверняху ядуще такову нечистоту звѣроядину“.

Итакъ, не смотря на свою важность, звѣроядина, если зубояжу считать дракой съ укушеніемъ, Владиміровымъ Уставомъ не предусмотрено, хотя другіе памятники той же эпохи имѣютъ въ виду нечистую пищу. Непонятная „зубояжа“ находится въ Уставѣ, но памятникамъ почти неизвѣстна. Въ самомъ дѣлѣ, въ буквальномъ воспроизведеніи слово „зубояжа“ намъ не удалось найти въ памятникахъ ранѣе семнадцатаго вѣка (Церковныя опредѣленія Кипріяна митрополита новгородскаго (1627—1655). Православный Собесѣдникъ 1861 г. ч. III, стр. 343).

Отъ одинадцатаго вѣка въ поученіяхъ о казняхъ Божіихъ преп. Феодосія Печерскаго (1068—1073) въ числѣ другихъ грѣховъ упоминаются „зубы“; но слово это требуетъ своего толкованія. Уставъ Ярослава говоритъ о дракѣ съ помощью зубовъ, но не называетъ зубояжи. Вышеуказанный пробѣлъ въ Уставѣ Владиміра въ смыслѣ отсутствія въ немъ указанія на важный грѣхъ звѣроядины и нахожденіе вмѣсто него загадочной и притомъ почти не отразившейся въ нашихъ памятникахъ „зубояжи“ легко можетъ быть уясненъ, если мы отождествимъ оба понятія и подъ зубояжей будемъ понимать звѣроядину.

Такимъ образомъ, изъ данныхъ какъ византійско-каноническаго права, такъ и изъ библейскихъ книгъ вмѣстѣ съ древними нашими памятниками нельзя извлечь указаній на то, что зубояжа представляла собою запрещеніе укусовъ въ дракѣ. Откуда же появилось такое пониманіе „зубояжи“? Виновникомъ послѣдняго нужно признать составителя Ярославова Устава. Онъ первый упомянулъ въ документѣ, посвященномъ вопросамъ святительскаго суда, объ особой наказуемости укушенія въ дракѣ. Очень возможно, что, говоря о такомъ укушеніи, онъ вовсе не имѣлъ въ виду „зубояжи“, но позднѣйшіе истолкователи содержанія церковныхъ уставовъ пожелали сопоставить оба понятія и однимъ, вполне опредѣленнымъ, пояснить загадочное.

Допустимъ, что сторонники такого взгляда правы и составитель Ярославова Устава при внесеніи статьи о сварѣ съ укуше-

нѣмъ въ свой памятникъ своими словами передавалъ смыслъ „зубояжи“. Могли-ли бы мы въ такомъ случаѣ вполне довѣриться подобному толкованію и признать его авторитетнымъ. Намъ кажется, нисколько. Соображенія слѣдующія. Написаніе Владимірова Устава можно относить къ концу десятаго или началу одиннадцатаго вѣка. Уставъ же Ярослава составленъ гораздо позднѣе. Какъ указываетъ Неволинъ ¹⁾, свидѣтельства о существованіи Ярославова Устава начинаются только съ конца четырнадцатаго или съ первыхъ годовъ пятнадцатаго столѣтія, списковъ его древнѣе шестнадцатаго вѣка пока не имѣется. Если даже предположить, что Уставъ Ярослава былъ написанъ въ тринадцатомъ вѣкѣ т. е. за сто лѣтъ до появленія о немъ прямыхъ свидѣтельствъ, то и то между обоими памятниками окажется промежутокъ по крайней мѣрѣ въ двѣсти лѣтъ. Кладя въ основу своего труда Уставъ Владиміра, составитель Ярославова Устава смотрѣлъ на него сквозь дымку двухъ столѣтій, въ теченіе которыхъ могъ затмиться въ народномъ сознаніи смыслъ „зубояжи“.

Дѣло въ томъ, что, не смотря на вѣковую борьбу церкви съ языческимъ бытомъ, нравами, съ суевѣрїями и обычаями древней Руси, ей не удалось окончательно сломить славянской старины. Съ ней пришлось вступитъ въ соглашеніе, въ компромиссъ.

Не будемъ говорить о приуроченіи, напримѣръ, языческихъ праздниковъ къ памяти христіанскихъ святыхъ, самые каноны и сила всякихъ церковныхъ запретовъ „поиспатались“ къ шестнадцатому вѣку настолько, что признано было необходимымъ исправить „церковное благолѣпіе, государственное управленіе и всякое земское строеніе“. Опытъ такого возрожденія старины былъ произведенъ на Стоглавомъ соборѣ, дѣянїя котораго рисуютъ намъ картину уклоненія русской жизни отъ русла, намѣченного ей церковными уставами и греческими номоканоны. Не смотря на запрещеніе „вѣдства“, по свидѣтельству Стоглава: „многіе тяжутся неправдою и поклепавъ крестъ цѣлуютъ и на полѣ бьются и кровь проливають, и тогда волхвы и чародѣи отъ бѣсовскихъ наученій пособіе творять кудесью и въ аристотелевы врата и въ рафли смотрятъ... и надѣясь на такія чарованія поклепца и ябедникъ не мирится и крестъ цѣлуетъ (гл. 41) также и другихъ злыхъ ересей держатся и въ другія гаданья и отреченныя книги вѣрують“. Церковь со времени крещенія проповѣдывала святость брака и

¹⁾ Томъ VI, 304.

внушала христіанскую обрядность, между тѣмъ, говоритъ Стоглавъ, „въ мірскихъ свадьбахъ по изстари заведенному обычаю играютъ глумотворцы и органники и гусельники и смѣхотворства и бѣсовскія пѣсни поютъ и какъ поѣдутъ къ церкви вѣнчаться и священникъ будетъ со крестомъ, предъ нимъ со всѣми тѣми играми бѣсовскими рицуютъ“. (Ibidem).

Среди другихъ запретовъ туго усваивалось въ древней Росіи запрещеніе пользоваться „звѣроядиной“. Если высшіе классы развлекались травлей животныхъ при помощи собакъ и прирученныхъ хищныхъ птицъ, то простой народъ по самымъ условіямъ существованія не могъ быть особенно разборчивъ въ пищѣ. Эти два фактора вліяли уже на извѣстную житейскую терпимость по отношенію къ пользованію „звѣроядиной“ въ самой Византіи. Каноны на этотъ счетъ были строги; императоръ Левъ подтвердилъ и даже усугубилъ строгость запрета особой новеллой, но уже въ средѣ истолкователей канонѡвъ проскальзываетъ взглядъ, выражающій большую снисходительность въ отношеніи даннаго предмета. Такъ, напримѣръ, въ ст. 306 Псевдо-Зонарина Номоканона говорится: „Ядущіе животныхъ, заданныхъ отъ хищныхъ звѣрей, если будутъ найдены (таковыя животныя) непосредственно въ тотъ же самый часъ, да ядятъ ихъ при необходимости; если же будетъ таковое найдено послѣ или двухъ или трехъ дней, и будутъ ѣсть оное, то подлежать епитиміи ядущіе—три лѣта, поклоновъ 200“¹⁾. Здѣсь уже видимъ компромиссъ какъ въ отношеніи самого понятія „звѣроядины“, такъ и наказанія. Еще болѣе свободное возрѣніе проводитъ патріархъ Геннадій Схоларій въ отвѣтъ на вопросъ деспота Георгія: „можно-ли вкушать звѣроядину?“ „Растрезанное или умерщвленное звѣремъ, говоритъ Геннадій, не есть околѣлое, также какъ убитое дѣтьми“ (слѣдовательно, можно таковое употреблять въ пищу. Ibid.). Въ томъ же смыслѣ высказался и константинопольскій патріаршій соборъ въ 1276 г. на вопросъ сарайскаго епископа Теогноста: „Аще будетъ любъ звѣрь, любъ птицъ, а удавится въ силѣ, достоинъ-ли ясти“? Соборъ отвѣтилъ: „Аще будетъ при нужи“ (Ibid.). Значитъ, этимъ отвѣтомъ разрѣшается въ случаѣ необходимости употреблять въ пищу не только „звѣроядину“, гдѣ кровь не совсѣмъ стекла, но даже животныхъ удушенныхъ, у которыхъ кровь не стекала вовсе.

¹⁾ Алмазовъ. Незданные каноническіе отвѣты константинопольскаго патріарха Луки Хризверга и митрополита Нила, 71.

Эта свобода возрѣній на „звѣроядину“ и кровеупотребленіе отразилась и въ русскихъ памятникахъ. Такъ, митрополитъ Іоаннъ II (1080—1089 г.) писалъ въ отвѣтъ на вопросъ Іакова Черноризца: „А еже емлемыя животины отъ пса или отъ звѣря или отъ орла, или отъ иная птицъ, а умираеть, аще не разрѣзано будетъ чело-вѣкомъ... не подобаеть ясти“. Мы цитировали этотъ отрывокъ, какъ образчикъ запрета „звѣроядины“, но въ немъ уже въ одиннадцатомъ вѣкѣ слышится компромиссъ: „аще не зарѣзано будетъ чело-вѣкомъ“; значить, стоило добычу пса или звѣря прирѣзать, и она становилась годной въ пищу. Иначе и быть не могло при распространенности псовой и соколиной охоты. Митрополитъ Фотій отъ пятнадцатаго вѣка свидѣтельствуетъ объ этомъ: „А что... чело-вѣкъ отъ своихъ рукъ пустить пса на звѣрь или птицами вержеть на птицу... ино изъ того какъ исходитъ кровь, и изъ того лова ядятъ вездѣ изъ пошрины; а что въ силѣхъ или въ при-боухъ удавиться безъ крови, того не повелѣвають святые отцы ясти (Алмазовъ, Ibid.). Слѣдовательно, употребленіе въ пищу животныхъ, загрызенныхъ собаками, въ пятнадцатомъ вѣкѣ уже пошрина и Фотій полагаетъ, что рѣшительно нельзя ѣсть только удувленины. „У собаки, отнявъ заеца (на охотѣ), да заколи“, значитъ въ одномъ архипастырскомъ посланіи того же пятнадцатаго столѣтія (Ibid.).

Страсть къ охотѣ поборола строгость каноновъ; зубы пса не оскверняли животнаго, если соблюдена была формальность прирѣзыванія. Псы были въ фаворѣ у бояръ и князей. „Добраго пса князи и бояре любятъ“, читаемъ въ Словѣ Данила Заточника и напрасно Степенная книга порицала страсть князей къ псовой охотѣ, указывая на нее даже какъ на причину княжескихъ между-усобицъ. „И начало же баше таковыя братоненавистныя вражды отъ ловитвы животныхъ. И такой прелестью и до нынѣ тѣшатся мнози властодержателіе, не токмо нечестиви, но и благочестиви... на песіе бреханіе въ ловитвахъ кличуще“. Далѣе, Степенная книга осуждаетъ умерщвленіе животнаго песьими зубами и употребле-ніе въ пищу звѣроядины ¹⁾.

Итакъ, въ отношеніи звѣроядины какъ на Востокѣ, такъ и у насъ боролись два теченія: одно строго каноническое запретительное, другое бытовое—разрѣшительное *sub conditione*. Теперь о

¹⁾ Часть I, гл. 14.

запретъ „звѣроядины“ воспоминаніе сохранилось только въ простомъ народѣ, гнушащемся звѣриной добычи, и у псовыхъ охотниковъ, въ силу обычая считающихъ долгомъ непременно дорѣзать затравленнаго зайца.

Представленіе о звѣроядинѣ настолько затемнилось къ шестнадцатому вѣку, что „Стоглавъ“ въ точномъ смыслѣ звѣроядины даже не знаетъ и въ главѣ 91 говоритъ только вообще о кровоядѣніи и удавленіи. „Нѣщїи убо, угожденїя ради чревнаго, кровь коегождо животна, кровь хитростїю нѣкакою сотворяють снѣдно еже глаголють колбасы и тако кровь ядятъ. Подобно таковымъ да запрещаютъ“.

Итакъ, если „зубояжа“ Владимірова Устава означала звѣроядину, а запрещеніе звѣроядины очень быстро начало утрачивать свою силу, не смотря на проповѣдь учителей церкви, и потому затемняться, то естественно, что, уясняя себѣ значеніе зубояжи, составитель Ярославова Устава легко могъ впасть въ ошибку. Псовая охота, травля звѣря собаками и представлялась обычнымъ явленіемъ; добычей пса и иного животнаго можно было пользоваться, исполнивъ простую формальность прирѣзыванья еще дышащей добычи. При такихъ условїяхъ вполне естественно казалось перевести-изложить зубояжу въ другомъ смыслѣ. Въ какомъ? Конечно, аналогичномъ какой-либо ясной статьѣ библейскихъ или каноническихъ источниковъ. Подъ руку подвернулось запрещеніе Моисеева законодательства драки съ причиненіемъ увѣчья¹⁾, вмѣшательства женщины въ драку мужа съ постороннимъ мужчиною. Извлеченїя изъ Моисеевыхъ книгъ вообще были въ ходу въ древней Россїи, и выдержки такія помѣщались въ кормчихъ. Составителю Ярославова Устава могло показаться весьма простымъ сопоставленіе зубояжи съ этими правилами, причемъ въ итогѣ появилась статья: „Аже два мужа бьетсяя, одинъ другого укуситъ или одереть“. Ей соотвѣтствуетъ статья Исхода „Аще сварятся два мужа и ударить одинъ другого каменемъ или пястїю“... Другая статья Пятикнижїя гласитъ: „Аще бѣшася челоуѣка два вкупѣ съ братомъ своимъ и пришедши жена единаго отъ него отъяти мужа своего отъ руки бющаго и, простерша руку свою, иметь его за тайныя уды его“... Въ одной изъ редак-

¹⁾ Исходъ, 21.

цій Ярославова Устава ¹⁾ въ статьї „Аще два мужа бьются“... при бавлено „женски“, что прямо указываетъ на библейскій источникъ постановленія Устава. Ясно, что послужившія основаніемъ для творчества автора Ярославова Устава приведенныя библейскія законоположенія никакого отношенія къ „зубояжѣ“ имѣть не могутъ. Значить для этого загадочнаго слова нужно искать другого объясненія, которое мы и попытались дать.

В. Грибовскій.

¹⁾ Исторія русск. церкви Макарія, 215—